

Фань Сянь не стал ничего объяснять, лишь с улыбкой скомандовал:

— Я говорю, ты чертишь.

Сейчас у него не было времени растирать тушь, поэтому он просто выбрал первое попавшееся перо, обмакнул его в остатки разведённой туши в каменной тушечнице и протянул сестре. Затем он плотно зажмурился и начал припоминать сложное расположение дворов и направления дорожек в императорском дворце.

Чем больше Фань Жожо рисовала, тем бледнее она становилась; Фань Сянь расходовал душевные силы на то, чтобы припоминать, и тоже постепенно бледнел, так что брат с сестрой в конце концов стали похожи на двух опереточных злодеев*. С трудом набросав дворцовые маршруты почти до конца, Фань Жожо всё-таки не выдержала и тихо воскликнула:

— Брат, ты осознаёшь или нет, что это государственная измена?

Фань Сянь расслабился, сидя на своём стуле, и долго ничего не говорил. Сегодня он провёл полдня во дворце, одновременно ведя праздные беседы со всеми этими важными персонами и запоминая запутанные дворцовые переходы, а затем ещё и долго мерился интеллектом со старшей принцессой и растратил кучу душевных сил, поэтому за такое короткое время не мог прийти в себя.

Разумеется, он был знаком с законами государства Цин и знал, что рисовать расположение зданий императорского дворца запрещено, чтобы никто не смог тайно пробраться внутрь и совершить какое-нибудь ужасное злодеяние. Однако Фань Сяню нужна была эта карта, потому что он уже выработал хороший план, но этот план подразумевал, что ему самому однажды ночью придётся тайно пробираться во дворец и искать ключ.

Он мог разузнать устройство дворца от Линь Вань'эр, но это было слишком рискованно. К тому же дорожки, которыми пользовались хозяева дворца, и те, которые требовались в плане Фань Сяня, были совершенно разными. Даже если бы У Чжу сказал, что так не пойдёт, Фань Сяню нужно было самому разведать все эти укромные места за искусственными горками, слепые пятна за клумбами, иначе он бы не смог, как сегодня, начертить подходящую ему карту.

Фань Сянь встал, подошёл к столу и взял в руки начерченную сестрой карту. Хотя она и рисовалась второпях, однако кисть Жожо была всё так же аккуратна. Невольно обрадовавшись, он погладил сестру по голове и сказал:

— Дело сделано. Давай-ка сходим кое-куда, поедим морских деликатесов.

Фань Жожо в сердцаххватила у него из рук карту со словами:

— Дело сделано? Что за дело сделано? Ты хоть представляешь, насколько это серьёзное дело?

Ну уж нет, я всё расскажу отцу.

Фань Сянь криво улыбнулся, думая, как глубоко укоренился в сознании людей запрет посягать на государственную власть. Конечно, он понимал, что сестра в основном беспокоится о безопасности своей семьи, ведь если кто-то узнает, что она начертила карту императорского дворца, то даже несмотря на благоволение императора к семье Фань, им придётся очень несладко.

— Не волнуйся. Я сейчас чуть-чуть передохну и заучу эту карту на память, а потом сожгу. Никто о ней не узнает, — с улыбкой успокоил сестру Фань Сянь.

У Фань Жожо в глазах появились слёзы.

— Зачем тебе эта карта?

Фань Сянь вздохнул. Опустив голову, он строго посмотрел в глаза Фань Жожо и произнёс, выделяя каждое слово:

— Потому что в императорском дворце хранится одна нужная мне вещь.

— Ты собираешься украсть из дворца? — изумлённо вскрикнула Фань Жожо и тут же сама зажала себе рот.

Фань Сянь честно ответил:

— Верно. Но это не воровство, потому что та вещь на самом деле принадлежит мне.

Фань Жожо уже оправилась от потрясения и вернулась к своей обычной холодности и рассудительности. Выяснив подоплёку дела, она чуть дрожащим, тихим голосом проговорила:

— Это, наверное, имеет отношение к тётушке Е?

Фань Сянь заулыбался:

— Мне нет необходимости скрывать это от тебя, — эти простые слова выражали всю глубину доверительных чувств между братом и сестрой. Фань Сянь продолжил: — Ты же знаешь, что за человек твой старший брат? Изобьёт ребёнка, пнёт старика. Встанет на кладбище и как закричит: «Кто на меня, а ну отзовись!» — но в итоге никто не посмеет и пикнуть**. Хе-хе.

Жожо с трудом заставила себя улыбнуться, думая, что эта шутка вышла у брата совсем не смешной. Её беспокойство вернулось, она знала, что миловидная, мягкая внешность Фань Сяня

скрывает твердокаменный характер, и словами его не переубедить. Значит, будь что будет, а ей остаётся только молиться дома целыми днями.

— Я такой эгоист, — глядя на её опечаленное лицо, сказал Фань, внезапно успокоившись.
— Каждый раз, когда мне тяжело взяться за какое-то дело, мне так и хочется рассказать о нём тебе. Кажется, что это доверие, но на самом деле я просто ищу, с кем разделить ответственность. Но я никогда не думал, что эта ответственность для тебя слишком тяжела. Я по крайней мере могу открыться тебе, но с кем тебе откровенничать? Раз уж моя мать была главой дома Е, то мне и идти грабить императорский дворец.

Жожо огорчённо взглянула на него:

— Доверие и ответственность компенсируют друг друга. Я всё же предпочла бы, чтобы ты ничего не скрывал от меня.

Переговоры всё ещё продолжались: разметка новой границы оказалась очень сложным делом. Пользуясь поддержкой предложенного Фань Сянем анализа, чиновники Приказа придворного этикета, ответственные за переговоры, стали чрезвычайно жёсткими и даже несколько раз чуть не вынудили послов Северной Ци подписать соглашение. Но, неизвестно почему — возможно, в Северной Ци что-то произошло, — посланники Северной Ци нахально и временами даже истерично затягивали процесс, словно чего-то ожидая.

Запашок заговора сразу же учуял Синь Циу, помощник премьер-министра в Приказе придворного этикета, с его богатым опытом. В тот день после полудня, когда так и не сдвинувшиеся с места переговоры завершились, он, держа в руках чайничек, подал знак Фань Сяню следовать за собой. По пути все служащие приветствовали начальника и его заместителя, и найти тихое место оказалось нелегко. Господин Синь с утомлённым вздохом сказал:

— Господин Фань, не кажется ли вам что-нибудь необычным?

Что касается этих переговоров, Фань Сянь, хотя и придерживался на самом деле позиции «наблюдать, учиться и притворяться», всё же участвовал в них от начала и до конца и тоже ощущал, что отношение посольства Северной Ци странно изменилось. Но если другая сторона и приобрела за последнее время какие-то рычаги, на которые можно опереться, то сейчас было самое время их применить, а не нагло тянуть время за столом переговоров.

Он немного подумал и вдруг нахмурился:

— Пожалуй, Северная Ци сейчас как раз пытается заполучить некие козыри, чтобы использовать их во время переговоров.

Помощник премьер-министра Синь посмотрел на него и кивнул:

— Я тоже так думаю, поэтому сегодня вечером я отправлюсь во дворец на встречу с императором и попрошу его издать указ, поручающий четвёртому отделу Контрольной палаты во всём содействовать работе Приказа придворного этикета. Не зная, что всё же задумала Северная Ци, я не могу не беспокоиться.

В глубоких раздумьях Фань Сянь облокотился на перила, задаваясь вопросом: что же нужно Северной Ци? Ни с того ни с сего его внезапно осенило: он вспомнил о шпионской сети Контрольной палаты в Северной Ци и о молодом господине Яне, Янь Бинъюне, который скрывался в Северной Ци уже четыре года.

Не зная, о чём он думает, помощник премьер-министра Синь сказал своим приятным голосом:

— Сегодня вечером я иду во дворец, но всё же мало что получится узнать в открытую. Заместитель посла Фань, вы не можете больше прятать свои способности.

Фань Сянь усмехнулся, подумав, что собеседник уверен, будто в прошлый раз получить документы ему помогли тайные силы в руках его отца, но, видит Небо, он и сам никогда не входил в соприкосновение с силой, которой его отец тайно управлял от имени императора. Но, подумав ещё, он понял, что ему действительно нужно спросить об этом, по крайней мере, чтобы обеспечить безопасность Янь Бинъюня в Северной Ци.

Этой же ночью Фань Сянь вызвал Ван Циняня в их секретный дом и рассказал ему о своих и господина Синя опасениях. Выражение лица Ван Циняня послужило Фань Сяню зловещим предзнаменованием.

— В Палате восемь дней не было новостей от второго отдела, — нахмурился Ван Цинянь.

— Возможно, такого рода новости не для твоей компетенции, — Фань Сянь с улыбкой покачал головой. — Я не собираюсь спрашивать, откуда ты знаешь, я просто хочу с твоей помощью предупредить Палату, чтобы они в Северной Ци побеспокоились о своей безопасности.

Ван Цинянь покачал головой:

— Наша связь односторонняя. Если она прервётся, её будет трудно восстановить. Кроме того, молодой господин Янь — глава шпионской сети в Северной Ци, если с ним что-то случится, возобновление связи не поможет.

— В любом случае, напомните ему, чтобы следил за собой, — во взгляде Фань Сяня промелькнул холод, он не хотел бросать никого ради государственных интересов, тем более Янь Бинъюня, сына высокопоставленного чиновника, который за четыре года тайной деятельности пожертвовал очень многим. Нынешний Фань Сянь уже давно считал себя частью

государства Цин, частью Контрольной палаты и, естественно, в некотором роде восхищался Янь Бинъюнем, хотя и никогда не встречался с ним.

Фань Сянь подумал ещё кое о чём и спокойно посмотрел на Ван Циняня:

— У меня есть одно дело, но я не могу поручить его Палате. Надеюсь, что смогу заручиться твоей помощью.

Ван Цинянь в замешательстве посмотрел на начальника.

— Нельзя сообщать о нём главе Чэню, — тон Фань Сяня был спокоен, но Ван Цинянь уловил в нём холодок.

— Слушаюсь, — произнеся это слово, Ван Цинянь понял, что полностью доверил свою жизнь этому, казалось бы, милому, но коварному юнцу. Что касается Палаты, глава Чэнь велел ему просто слушаться господина Фаня, а больше ничего не поручал.

Тем вечером печальные новости наконец подтвердились. К счастью, тайная шпионская сеть Контрольной палаты в Северной Ци большей частью сохранилась, но неожиданностью стало то, что глава шпионской сети Янь Бинъюнь был схвачен государственными служащими Северной Ци в лавке шёлковых тканей.

В подобных случаях обычно обнаруживается слабина на нижнем уровне, а затем прослеживается до верха. Редко бывает, что удаётся одним махом захватить руководство тайной сети. Такое можно наблюдать только в одном случае: кто-то высокопоставленный в государстве Цин поддерживает тайные связи с заграницей.

Известие об аресте Янь Бинъюня, конечно, Северной Ци нельзя было распространять: это хотя и нанесло бы удар по авторитету государства Цин, но не соответствовало интересам Северной Ци. Северная Ци должна была использовать шпиона для получения выгоды, а не только для подрыва морального духа противника.

В чиновничьих кругах государства Цин считалось, что старший сын господина Янь Жохая, руководителя четвёртого отдела Контрольной палаты, умер четыре года назад, и почти никто не знал, что император направил его в Северную Ци.

В последние дни все, кто знал, спали плохо.

В самой секретной комнате Приказа придворного этикета помощник премьер-министра Синь прикрыл глаза и передал листок бумаги, который держал в руке, Фань Сяню. Тот взял его и увидел картину, на которой прозрачное облако летело в высоте над ледяным полем. Во время

сегодняшних переговоров какой-то ничем не примечательный человек из представителей Северной Ци тайно передал этот лист бумаги господину Синю. Выражение лица этого человека в тот момент почти заставило господина Синя вытащить меч у охранника и рубануть.

На картине было зашифровано имя Бинъюнь***. Похоже, что посольство Северной Ци тоже получило новости и было готово назначать цену.

* белый грим – в традиционной опере признак отрицательного персонажа, коварного интригана.

** типовая китайская ироничная характеристика крутого персонажа от лица его самого.

*** “Бинъюнь” состоит из иероглифов “лёд” и “облако”.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1860064>